

ДАУН

– Заходи... Заходи, мой лучший друг Лёха. И закрой за собой дверь. Не хочу, чтобы нас кто-нибудь потревожил. Из этих лизоблюдов. Ведь ни один из них сегодня не говорил искренне, когда, читая набившие оскомину поздравления, расплывался в сладостном упоении... Хорошо сказал? Всё ж филолог по образованию, как и ты. Хоть и этот... как нас величают... олигарх... звучит как аллигатор, правда? Ха-ха... Зато ты, Лёха, – учитель. Педагог!.. Эх, где мои молодые годы? Знаешь, я на хмельную голову иногда тоже декламирую.

Встань, пророк! И виждь, и внемли!
Исполнишь волею моей!
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!

Правильно? То-то же. Я ведь, брат, всё помню. И не только Пушкина, но и наши с тобой мечты служить красоте и истине... Ты не думай: я хоть и напился сегодня (да и как не напиться на банкете по случаю собственного пятидесятилетия!), а всё соображаю. Оно даже лучше, что я напился. Именно сейчас. Когда мы с тобой так долго не виделись, а теперь вот сидим вместе, как когда-то на балконе нашей институтской общаги... Вообще-то я давно этого хотел – поболтать с тобой наедине. А то всё застолья, шум, гам... и анекдоты... Ух, как я ненавидеть стал эти анекдоты! И знаешь, за что? Будешь смеяться. Когда люди ржут, я не могу видеть их дрожащий язык и жёлтые зубы! Мне всё кажется, что передо мной двуногие лошади. Ха-ха...

Не обращай внимания. Хватил я сегодня коньячку столько, что, кажется, лечу куда-то... Уж не в преисподнюю ли? Скажи, Лёха: есть она, преисподняя? Или врут попы? Ха-ха...

Значит, ты до сих пор пытаешься сеять разумное, доброе, вечное? Жечь глаголом сердца людей? И тебя слушают?.. Вот-вот, ты прав: сей-

час в идеалах всё больше не Дон Кихоты, а Абрамовичи. И я в их числе. Ну так время такое. Я его тогда просёк, а ты нет. Помнишь начало девяностых? Когда учителям по полгода даже их мизерные зарплаты не выплачивали... Что? Вечные ценности? Только не надо, Лёха, меня учить, какие ценности являются вечными... Вот ответ, почему мы с тобой, будучи студентами, любили пофилософствовать, глядя на ночное небо с яркими звёздами? Помнишь?.. Да потому что сытые были. А отними у нас родительские переводы, так нас с тобой и от философии, и от твоих идеалов затошнило бы так, что из всех интересов остался бы один – чего-нибудь слопать... Физиология человека – это, брат, такая сила, против которой не попрёшь. Уж кто-кто, а я это знаю точно.

Возьми мою секретаршу, Любочку, видел её? По правую сторону от моего зама сидела. Уж на что девка была с норовом. И с этими... идеалами... А как с полгодика походила под улыбочки своих сослуживцев в стареньком потёртом костюмчике (а иного на свой секретарский окладик она себе позволить не могла) да как я предложил ей ежемесячную надбавку в полтора куска баксов (конечно, не через бухгалтерию, чтоб другие не узнали, а в конвертике!) – за определённые виды услуг... понимаешь, да?.. так она хоть и краснела первое время, а после ничего, втянулась, и теперь все мои причуды воспринимает как должное.

Или Гаврик... То есть этот... Гаврилов. Сергей Николаевич... Коммерческий директор «Трансавто», нашего поставщика. Когда-то отбрыкивался от нас, не хотел иметь с нами никаких дел. А я велел Никитке, нашему начальнику безопасности, со своими пацанами к нему домой нагряться... Ну, они его утюжком слегка и погладили... Да не морщись, по-людски, через тряпочку... И насчёт его сынишки Славика предупредили... Так буквально на следующий день контракт был подписан... Мы после такие бабки начали загребать – тебе и во сне не приснится!..

Что говоришь?.. Понимаю, что тебе это неинтересно. Просто я тебе проиллюстрировал закон, который по своей силе и неотвратимости равен закону всемирного тяготения... Помнишь, как нас в школе учили: Ньютону яблоком по башке – шарах!.. Ха-ха... И ты, Лёха, ему подчинишься так же, как наш Гаврик, если попробовать. От родной мамы отречёшься, когда горячим утюжком по спинке или раскалённым паяльничком в задницу... Ну-ну, сиди... Обиделся, что ли? Брось. Мы же с тобой друзья детства...

Слушай, а среди ваших учеников есть... как их... даунята?.. А, они учатся в спецшколах?.. Это которые для дураков?.. То есть они шизики, да?.. Нет, это я так спросил, из любопытства...

Я побледнел? С чего ты взял? Ну, перепил слегка... Щас газировочки хлебну, и всё пройдёт... Бр-р! Колючая какая... Так о чём бишь я?

Нет, первое время после института я о бизнесе не думал. Планировал устроиться в какую-нибудь частную фирму – хоть бухгалтером, хоть снабженцем... Бизнес – это уже после пошло. Загорелось во мне так, что дух захватило!

Как зачем? Хм...

Ты знаешь, я порой задаю себе тот же вопрос. А вместо ответа в голову всякая чепуха лезет. Типа жареных сосисок с кетчупом и... извини... голого женского зада. Ха-ха!

Кстати, как твоя супруга?.. Ушла? И давно?.. Ну, этого и следовало ожидать. Что ты мог ей дать на свои учительские гроши?

Да не обижайся! Какой ты, Лёха, вспылчивый, ей-богу! Это жизнь, нормальная человеческая жизнь. А ты, если хочешь нести обществу

свои идеалы, невзирая, как ты когда-то говорил, на испытания, – будь добр, не подвергай этим испытаниям других, которые желают иного. Тем более своих близких. Или я не прав?.. Уверен, что твоя бывшая жена сейчас замужем за каким-нибудь менеджером... Почти угадал? Серьёзно? Вот видишь! Я же говорю, что лучше тебя понимаю жизнь.

А знаешь, как такой опыт приходит? Просто нужно в ответственные и судьбоносные моменты включать разум. Ох, брат, великая это вещь – разум! Животным он не дан, поэтому они и страдают. Вон, собака одного моего бывшего сослуживца, которого я за пьянки уволил. Захотел я как-то взять её себе... и колбаской, и даже шашлычком её подманивал – не идёт ко мне ни в какую. Всё за своим спившимся хозяином бредёт... Он её, соседи говорили, и не кормил уж, и лупил порой чем попадая, – а она от него ни на шаг... Что говоришь? Преданность? Да тупость – и ничего больше! Обычная дебилность! Потому как отсутствует ум! Инструмент, который дан человеку, чтобы он мог просчитывать ситуации и делать правильный выбор! Это ж прямо божий дар! Вот кем бы я был сейчас без мозгов?! Дворником?! Или как ты?!

Да нет, я не раскричался... Просто тащусь от собственных мыслей. Которые опять же ум вырабатывает.

Согласись, общество развивается благодаря людям высокого интеллекта, а не глупцам... тем же даунам... Которые только на нашей шее сидят и, как паразиты, пьют нашу кровушку. Вот на каком основании я обязан платить налоги из своего кармана на содержание этих нахлебников? Одни работают, другие – нет, а кушают все. Где справедливость?..

Не хочешь газировочки? Нет? А я выпью... Фу! Дрянь стали делать газировку. Помнишь, какая в наше время была, в автоматах? М-м!..

Да, в то майское утро мне тоже нестерпимо захотелось газировки... Было очень жарко. Я шёл с ночного дежурства (помнишь, я на третьем курсе подрабатывал сторожем на стройке) и изнывал от жажды. Поэтому свернул в переулок (там у продуктового магазина были автоматы с газировкой) и пропустил пару стаканчиков «Крем-сода». Крякнул от удовольствия и направился к нашей общаге. Только решил не возвращаться к центральной дороге, а пройти напрямую, по частному сектору.

Помню, глубоко о чём-то задумался, глядя перед собой в землю... кажется, о предстоящих экзаменах... Вдруг вижу – слева от меня, метрах в ста, дым валит.

Я мигом туда.

Горел деревянный дом. Двухэтажка. А вокруг – никого.

Огнём были охвачены верх боковой стены и часть крыши. Окна были закрыты; и на подоконнике одного из них, с внутренней стороны, представляешь, стояла плачущая девочка лет пяти-шести, в белой сорочке – похоже, прямо с кровати... И больше в помещении, видимо, никого не было. Во всяком случае, живых.

Я подбежал к дому, подёргал входную дверь – закрыто! Глянул в замочную скважину: на лестнице слегка клубился дым, но огня не было.

Отбежал, осмотрелся.

Телефонных будок нигде не было (мобильники нам тогда даже не снились!). Я кинулся к соседним домам. В одном из них у калитки лаяла собака, не пройти. В другом несколько минут бестолку пробарабанил в дверь... Наконец, в следующем какой-то подвыпивший мужик выглянул в щёлку, увидел горящий дом и поковылял к виднеющимся вдали пятиэтажкам – к сестре, кричит, у неё телефон.

Я – назад. Гляжу, дело плохо. Пока этот мужик добредёт до домов, позвонит, пока приедут пожарные, – ребёнок задохнётся в дыму. Но что можно было сделать? Нужна была лестница, чтобы, приставив её к стене, взобраться по ней к окну второго этажа и выбить в нём стекло. Однако где её было взять? Опять бегать по соседним домам? Только время терять...

Оставалось одно: высаживать дверь и проникать в комнату. Веришь, я так и собрался поступить. Как вдруг почему-то пристально всмотрелся в горящие брёвна... И увидел, что в одном месте крыша прогорела так, что были видны охваченные пламенем потолочные балки...

И вот тут, Лёха, включился в действие мой ум.

Знаешь, у меня в своё время друган был, Витёк. Уже когда я институт окончил. Так вот он был буквально помешан на философии. И утверждал, что мышление сыграло в развитии человека такую неопенимую положительную роль, что просто, как он говорил, дух захватывает. Я ему как-то сказал, что однажды присутствовал при тушении горящего дома.

– Как пожарные действовали, – спрашивает он, – грамотно?

– Да, – отвечаю. – Подъехали, развернулись, быстро наметили план действий и вперёд...

– Вот. А теперь представь себе, – Витёк даже палец кверху поднял, – что вместо них прибежали бы какие-нибудь олигофрены.

– Кто? – спрашиваю (я тогда не знал значение этого термина).

– Ну, придурки, – говорит.

– Например, дауны, – подсказываю я.

– Во-во, – отвечает, – типа этих идиотов. Если даже предположить, что они вообще стали бы что-нибудь делать...

Но я его тут же перебил:

– А ты сомневаешься?

Он глаза вылупил:

– Да они практически животные, – говорит.

– А вдруг он поймёт, что человек погибает?

– Да если даже в его глупую башку, – почти кричит Витёк, – и влезет мысль кого-то спасти, то он не сообразит, как это сделать лучше! В отличие от человека умного!

Не стал я больше ни о чём его спрашивать, чтоб не раздражать.

Интеллект – это хорошо. Вон сколько люди всякой техники понаделали, в космос полетели... Только... Дай-ка я ещё коньячка хряпну... Мне много? Нет, Лёха, мне его много не бывает. Даже напротив: мозги с ним так работают – дай бог каждому...

О-ох! Хорошо!..

Так вот, уважаемый Алексей Иванович! Я тогда, на пожаре, и включил свой разум. Как всем Витёк рекомендует. С целью стать человеком более высокого порядка, нежели всякие, как он говорил, пьяницы, бомжи и дебилы. Включил – и жду его работы.

И тут, к моему удивлению, он начал мне выдавать идеи вовсе не о том, как попытаться эффективнее помочь ребёнку. Обработав только что полученную по зрительным каналам информацию, он сразу задал мне вопрос: а не будет ли тебе самому худо, если ты полезешь в это пекло? Тем более что потолок уже горит! И может рухнуть в любую минуту.

– Так может, – попытался я уточнить, – или точно рухнет?

– Главное здесь, – ответили мне мои мозги, – высчитать вероятность такого исхода событий (есть такой термин в математике).

– А какая она, вероятность? – поинтересовался я и взглянул на горящие балки.

– Да в общем-то невелика, если не сказать – совсем мала, – был мне ответ.

И я шагнул к двери, намереваясь вышибить её ногой... Но мимоходом опять взглянул на бушующее пламя под крышей и вдруг с ещё большим удивлением услышал от своих мозгов такое:

– А пожалуй, и не мала. Где-то половина на половину.

Я замедлил шаг.

– Нет, выдержат – вон они какие крепкие! – пронеслось опять в моей голове...

– Спятил? Повалятся если не сразу, то по пути из комнаты – точно! – выдал мне мой интеллект, когда я был уже метрах в пяти от двери. – А то и вообще придавят, едва войдёшь!

Я остановился, соображая.

И тут, представляешь, в моей башке – то есть в моём разуме, делающим меня высшим существом! – стали один за другим мелькать... не удивляйся!.. сосиски с кетчупом, пирожные эклер и стакан с «Крем-содой». Кой мы с упоением уминали с тобой в кафешке после институтских лекций. Да, не улыбайся. Закружились в шумном хороводе!.. Тут же к ним добавились наши кокетливые девушки-однокурсницы... А через пару секунд я уже видел себя в элегантном пиджачке с дипломатом в руках, выходящим из крутой иномарки. И поджидающих меня подчинённых, которые протягивали мне руки, чтобы поздороваться, и заискивающе улыбались... А дальше – свою будущую жену, своих маленьких детишек, которым я тыкался в личико своим носом, отчего они смеялись и визжали...

Будто вся моя настоящая и будущая жизнь промелькнула передо мной. Причём в несколько мгновений... Позже я понял: мой мозг предупредил меня, что всё это я могу потерять, если меня сейчас накроет горящими досками...

В общем, это была настоящая комедия. Смотри: когда я отходил от пылающего дома где-то метров на двадцать от него и видел задыхающуюся в дыму девочку, разум говорил: «Балки выдержат, вон они какие толстые! Ещё с полчаса прогорят и не дрогнут!» Однако едва я приближался к двери дома, тот же самый биокомпьютер решал: «Нет, точно не выдержат. Рухнут или сразу при входе, или, в крайнем случае, когда пойдёшь с девчонкой на руках обратно». И тут же опять сосиски, бабы и я в пиджачке и с дипломатом...

Представляешь, я несколько раз так бегал – к дому и обратно...

И вдруг меня осенило: я свою ЭВМ просто включил не до конца – как говорят, не совсем врубился. Мой разум выдал мне несколько вероятностей исхода событий, а окончательный вывод должен быть сделан, так сказать, на высшем руководящем уровне. Прямо как в бизнесе!

И вот тогда, как и полагается у высшего существа (я беру терминологию Витька), мой интеллект заработал, что называется, на всю катушку (то есть до того момента он действительно спал!).

Итак, рассуждал я, если я сейчас выломаю дверь и вбегу в комнату, где на подоконнике стоит просящий о помощи ребёнок, то, согласно среднему арифметическому выдаваемых моим мозгом данных, половина на половину, что горящие балки в этот момент рухнут и похоронят под собой меня и эту девчонку. Хм, пятьдесят процентов. Это ведь не пять и не десять!..

А теперь подумай (это мне мой интеллект выдавал!): если ты откажешься войти в дом, то, оставшись в живых, – а значит, со временем окончив институт, – ты дашь образование сотням и тысячам людей, если пойдёшь работать по специальности; или осчастливишь их приобретением новых квартир (я тогда подумывал о риэлторстве). А если сейчас погибнешь, то и здесь ребёнка не спасёшь, и другим людям уже никогда не сможешь стать полезным. Сравни: лишь пятьдесят процентов вероятности спасения одной жизни – и, с другой стороны, стопроцентная гарантия принесения пользы тысячам людей. Представь себе, что сейчас рядом с тобой стоит, скажем, молодой Альберт Эйнштейн. Готовый ринуться в огонь. Разве, зная о его предназначении в качестве гениального физика и той пользе, которую он принесёт всему человечеству, ты не схватишь его за шиворот? Да ведь тут, как говорил Достоевский, математика. А с ней не поспоришь!..

Что говоришь? Трусость? Лёша, дорогой, эта категория есть не что иное, как отражение работы нашего ума и, соответственно, того решения, которое он выдаёт. Это мне Витёк сказал. Когда мозг (чаще всего на подсознательном уровне) выдаёт большую вероятность положительного исхода того или иного поступка, который намеревается совершить человек или отказаться от него, он это действие совершает. Если же такая вероятность мала, то воздерживается от него. А окружающие в первом случае превозносят такого человека как героя, во втором же – хают как труса. Не подозревая, что дело здесь в простом вычислении, а не в эмоциях.

Согласен, что в одинаковой ситуации люди могут поступать по-разному. Но только потому, что одни из них просто ошиблись в расчёте...

Однако и этого мало. Я тогда ещё вот о чём подумал.

Представь себе, что два человека – даже, допустим, закадычные друзья! – попали на необитаемый остров. На котором только пресная вода. А пищи никакой нет, одни голые скалы да редкие деревца. И этим бедолагам нужно продержаться до проходящего мимо корабля где-то около месяца. Естественно, за это время человек должен погибнуть от голода. И вот тут разум этим людям подскажет, что было бы логичным одному из них съесть другого. Конечно, не сразу. А растянуть процесс настолько, насколько может в их условиях сохраниться мясо. То есть не протухнуть. И это будет делом более справедливым, чем умереть обоим. По той простой причине, что выживший из этих двух продолжит приносить обществу пользу, тогда как два покойника людям совершенно ничего не дадут. И даже более того, этим двум нужно не какой-нибудь там жребий бросить, кому приносить себя в жертву. Здесь опять же должен быть трезвый расчёт. А именно: прикинуть, кто из них может впоследствии дать обществу больше всевозможных благ. То есть нужно будет учитывать уровень образования, профессию, квалификацию и так далее. А сам... скажем, процесс... провести цивилизованно, как и полагается людям высокого интеллекта. То есть не глотку там перерезать, а, допустим, сделать из ремешка брюк петлю, привязать её к ветке дерева и... Причём один другому обязательно должен в этом помочь... И такие люди, Лёша, высшего полёта, герои! Поскольку руководствуются не личными интересами!..

Давай-ка ещё коньячку. Не будешь? Дело твоё. А я выпью...

В общем, я, когда в тот момент всё это понял, подошёл к стене дома и глянул в окно. В комнате уже появился дым, и девочка неистово редела. Правда, за наглухо закрытыми оконными рамами слышно ничего

не было. Я начал показывать ей, чтобы она попробовала толкнуть их рукой. После продемонстрировал, как нужно открыть задвижки. Но девчонка – видимо, ничего не понимая (вот она, проблема с интеллектом!) – смотрела на меня широко раскрытыми глазами и что-то быстро лепетала, не переставая плакать. А что я мог сделать? Мы словно попали с ней на тот самый необитаемый остров.

Глядя на девочку, я пожал плечами – мол, извини, но сделать ничего не могу: условий для моей безопасности при спасательной операции нет, нужно ждать пожарных... А ещё я подумал, что она, если бы спаслась, со временем стала бы красавицей. О чём говорили её пухлые губки и карие глазки. И детишки у неё могли быть красивые... Но и у меня, подумал я тогда, тоже могут быть дети. Не рисковать же ещё и ими...

Заметь, Лёха, что с момента, как я достучался до того мужика, опять примчался к дому и принял окончательное решение, прошло... ну, от силы три минуты. А ощущение у меня было такое, будто я за это время прожил целую жизнь.

В тот день я вернулся в общагу совершенно другим человеком... Что? И ты в определённый момент заметил во мне перемену? Я стал более замкнутым? Себе на уме? Ха-ха! Просто я тогда не хотел ни на что отвлекаться, ибо выстраивал в своей голове новую модель человеческих взаимоотношений. Не ухмыляйся. Именно так. Ради одной простой цели. О которой мы с тобой мечтали, будучи студентами, – принесения обществу как можно больше пользы. И просчёта всех вариантов достижения подобного. Скажем, если я понимаю (то есть просчитываю!), что могу построить бизнес так, что прибыль получу гораздо более офигенную, чем какой-нибудь Гаврик (да-да, тот самый, которого мои ребята утюжком погладили, чтоб у этого лентяя заработали мозги!), то почему бы мне не присоединить собственность этого самого Гаврика к своей, чтобы, модернизировав его производство, начать выпускать товаров почти вдвое больше того, чем мы оба выдавали прежде! Естественно, получая за это дивиденды. А что ты можешь иметь против оплаты за выполненный труд?

А коньячок или там расслабуха с Любочкой – не более чем психологическая разгрузка после утомительного рабочего дня. Здесь ничего неразумного нет. Потрудился бы ты с моё да понервничал, как я, – заговорил бы по-другому.

Неразумное в другом... Знаешь, до поры до времени мне тут всё было ясно... Щас, ещё стопочку хряпну и расскажу... Во-от...

Видишь ли, во время того пожара внезапно появился один тип, на которого мне тогда было наплевать, но который позднее стал подтачивать меня изнутри, словно червяк яблоко...

Короче, из стоявшего неподалёку полуразвалившегося дома в оборванных трико и майке на слегка кривых и коротких ножках выскочил он... Я как глянул в его рыло, у меня мурашки по спине побежали... Нет, мне и раньше приходилось таких встречать...ну, этих... с синдромом Дауна... ты сам, наверное, таких видел... все на одно лицо и взгляд придурковатый... Но этот скорчил такую ужасную гримасу – натурально как у макаки... Сразу – шасть ко мне, я аж отпрянул (я их побаиваюсь, ведь они и впрямь наполовину животные, мало ли что в голову ударит!). И начал мне на окно показывать, где девочка стояла. И мычать: «У-у... у-у». То есть вдобавок глухонемой был.

У меня вообще чуть ноги не подкосились.

А он всё машет руками и мычит...

После подбежал к окну, где стоял ребёнок, и там замычал...

И вдруг подскочил к двери. Дёрнул её на себя. Раз, другой, третий. Но она не открывалась.

Он опять ко мне. Показывает на дверь и мычит...

Я тогда ему руками показал, что балки могут рухнуть.

Он на них глянул... и снова мне на девочку в окне показывает... и мычит...

И вдруг с разбегу – бах в дверь плечом!

Та не поддалась.

Он разбежался и опять – бах!

Бестолку.

Потёр ушибленное плечо и снова – бах в неё...

Только где-то после десятой попытки замок сломался.

Этот тип сразу в коридор сунулся – и тут же отпрянул. Потому что оттуда повалил густой дым и показались языки пламени.

Тогда он опять подбежал к окну и, глядя на плачущего ребёнка, в который раз начал махать руками и громко мычать... А когда девочка сползла вниз (очевидно, от удушья теряя сознание), этот тип снова подскочил к двери... на секунду застыл... и, загоразивая лицо рукой и заревев, как леопард, кинулся в дом...

Э-эх, славный коньячок. Так по мозгам бьёт!.. Где-то здесь у меня лимончик был... Во-от он, родимый... Щас, отрежем кусочек и... ам... Здорово...

Что? Чем всё закончилось? А ты угадай...

Нет, брат, разум – великая вещь. Не обладал этот тип способностью... вернее, возможностью посчитать вероятность исхода событий – вот и получил по заслугам. Недаром говорят: заставь дурака богу молиться, он себе лоб расшибёт...

Да-а... Зато представь себе моё упоение (у меня тогда от восторга даже мурашки по спине побежали!), когда примерно через пару минут после того, как этот идиот вышиб дверь, поехала крыша... Ха-ха. Ну ты, Лёха, шутник... Нет, не у меня. У дома... Правда, вся она не упала, повалилась только её небольшая часть. А за ней рухнуло несколько потолочных балок. И как раз в той комнате, где был ребёнок... Да какое кошунство?! Что ты сегодня на меня ополчился?! Мне и тогда было эту девочку жаль, и сейчас... Упоение на меня нашло от осознания того факта, что мой расчёт оказался верным. Пусть и с небольшой погрешностью, дело это не меняет... А значит, если бы я не заставил тогда работать свои мозги, скорее всего не сидел бы сейчас здесь с тобой. Просёк? И не было бы того успеха в бизнесе, который нынче эта фирма имеет. А значит, тысячи... а скоро и миллионы людей остались бы без наших «Рено» и «Шевроле». Скажи, не окупилось ли за все эти годы моё тогдашнее... скажем, хладнокровие? А, Лёха? Только честно.

Что говоришь? Особой пользы от моего бизнеса не видишь? Ну ты, брат, даёшь. Если бы мой бизнес не имел пользы, люди нашу продукцию не покупали бы. Это закон экономики... Как? И наркотики с удовольствием берут? Ну, ты за базар-то отвечай. Сравнил хрен с пальцем... При чём тут жаргон! Между прочим, на зоне очень меткая лексика. Бьёт, что называется, не в бровь, а в глаз...

Тачки мои, видите ли, ему поперёк горла встали... А ты не имеешь? Хочешь, подарю? Как старому другу... Скажем, «Мазду»... Или «Тойоту», скоро из Японии придёт партия. Хошь металик, хошь чёрную. Или красненькую, как вишенка. М-м, загляденье...

Тут один мой знакомый, Шурик Валяшкин, свою такую «вишенку» о столб возле троллейбусной остановки грохнул. Сам ушибами отделался, а вот толпу здорово помял. Одного насмерть, троих скорая увезла... Ничего, этот со своими бабками любого судью с потрохами купит... А всё из-за пустяка. К Нинке, тёлке своей, торопился. Он мне сам после сказал. Так у него зачесалось, что не рассчитал скорость, и на повороте его занесло... Дела-а...

Гляди, какой закат красивый. Помнишь, как мы с тобой с балкона общаги на такой же смотрели? И всё философствовали... мечтали...

А? Не о сосисках и не о бабах? Это уж точно. Ха-ха...

Что-то я всё не о том...

Тебе пора? Да посидел бы чуток. Столько лет не виделись... Ну, как хочешь... А вообще я рад был с тобой повидаться. С кем же мне ещё поговорить по душам? Не с этими же... Слышишь? В пляс пустились. Ведь я им по большому счёту до лампочки. Одни пришли вкусно пожрать да в баньке молодых баб за задницы потискать (во-во, какие мне порой мерещатся!), а другие... потому что надо прийти. Потому как я их шеф. А шефа не просто уважают (даже вообще не уважают!), его боятся. А мне от этого на душе так сладко!.. Пусть бы только попробовали не прийти. Ха-ха...

А ведь я однажды застал Любочку ревущей... Нет, при мне она так улыбается, что просто ягодка. А вот наедине с собой прямо волком взвыла. И чем недовольна? Вроде всё ей дал. И проблем никаких не должно быть, у неё ведь ни семьи, ни детей... А Гаврик. Приручить-то я его приручил, а душу, чую, не покорил. Знаешь, как он однажды на меня посмотрел, стоило мне только отвернуться. Я в зеркале увидел. Казалось, готов был зубами мне в глотку вцепиться!.. А едва я к нему опять повернулся, он морду такую скрючил – сама преданность... Эх, и сволочи меня окружают. Вот так, Лёха. Ты хоть и критикуешь меня, да говоришь обо всём честно. А эти... Того и гляди, всадят тебе нож в спину. И главное, не знаешь, когда и где... Видишь, не совсем моя теория работает. Да? Ха-ха...

Где моя рюмашка?.. О-ох, здорово...

Вот ты мне, Лёха, скажи: может ли дебил... ну, то есть тип с напрочь отключёнными мозгами... принимать какие-то решения? Что? Только на уровне физиологии? Это как?.. А-а, здесь я согласен. Пожрать там да потрахаться... То есть как скотинка.

А теперь более конкретно. Какой-нибудь шелудивый пёс, попав на тот пожар, бросился бы спасти девчонку?.. Во-от, в этом всё и дело. Он в лучшем случае полаял бы, глядя на огонь, и побежал бы дальше... А этот... ну, который дверь вышиб... вот именно, даун... если бы он был как пёс, только в человеческом облики, то просто стоял бы, глаза на горящий дом, и от удивления ковырял бы у себя в носу... Понял?.. Ну, что ты тормозишь! Я пьяный и то врубаюсь... Если у него мозги были в отключке (а это действительно так, потому что эти типы даже элементарной арифметики не понимают!), раз он не мог посчитать вероятность падения крыши, если не мог даже ошибиться в расчёте – а значит, не имел возможности осознать, что не сгорит! – то что заставило его броситься в огонь?! А?! Какая фигня его на это толкнула?! И главное, Лёха, почему её не оказалось у меня?!

А что если этот даун знал... вернее, ощущал... не только больше пса, но и больше нашего с тобой? Чуешь? И мозги у него для того и были отключены, чтобы не мешать это ощущать?..

А не приходило тебе в голову, что, возможно, он кинулся бы в дом даже тогда (лично я подозреваю, что кинулся бы точно!), когда осознал бы наверняка, что вероятность краха была бы не пятьдесят процентов, а, скажем, девяносто! То есть когда потолок начал бы рушиться прямо на его глазах!..

Что говоришь? Опять побледнел? Я, Лёха, давно такими припадками страдаю. Внезапного побледнения. Это ещё Любочка заметила...

Пошёл? Ну, давай. Ты извини, я тебя проводить не смогу, шатает меня... Переборщил, ты прав...

Шас вот ты уйдёшь, а у меня, блин, опять тоска...

Что? Надо отоспаться?.. Да, пойду лягу...

Только... что-то я хотел...

А, вспомнил... Где тут у меня... Вот, возьми... Да я не тебе, гордый какой... Попросить тебя хочу, для того и звал... Купи на эти деньги букет... ну, гвоздички там... или розы... какой хочешь... Вот бумажка... здесь номер участка и могилы... Найдёшь... её ни с одной не спутаешь: травой заросла, без оградки... крест вообще сгнил... Отнеси туда цветы...

Что? Я сам? Нет, Лёха, я боюсь... Чего? Э-эх, не поверишь... глаз его... Ну, того самого, который без мозгов... И кому только в башку ударило фотку на крест присобачить... с таким дебильным взглядом...

Зачем цветы, говоришь? Какая тебе разница. Положи и всё... И... это... скажи ему чего-нибудь... от меня... Ну, откуда я знаю?.. Ты лучше меня должен знать, что говорить...

Всё, иди... Шагай, брат Лёха, и не поминай лихом раба Божьего... как бишь... фу, чёрт, допился... забыл, как меня и звать...

А может, так и надо?.. без имени... Зачем оно мне?.. Кто меня добром вспомнит?.. Кому я что хорошего сделал?..

Жизнь, Лёха, промелькнула, как сон... Все свои годы на эти железяки угробил!.. От которых такая вонь кругом да грохот, что башка трещит!.. На которых – пойми! – не хлеб людям возят, а такие, как Шурик, сломя голову к своим проституткам летят!.. Да не ору я, и на соседей мне наплевать!.. Направление-то пути ему не сердце показало, а хрен его торчащий! Лёха, ты только вдумайся: хре-ен! Как стрела компаса!.. Да не трогай ты меня, я спокоен! Иди своей дорогой!.. Ступай, Лёха! Ты, может, ещё дойдёшь! Я – уже никогда! Никогда! Понял?!..

СВЯТЫНЯ

По окончании литургии из храма вместе с другими прихожанами вышли две женщины средних лет.

– Давай подадим, – Галина Сергеевна кивнула на двух лохматых мужиков в потрёпанной одежке, просящих милостыню возле церковной ограды.

Женщины подошли к ним.

Елизавета Николаевна вынула из сумки кошелёк, высыпала из него на ладонь монеты и стала их пересчитывать. А Галина Сергеевна быстро подала обоим нищим по десятирублёвой купюре и посмотрела на подругу:

– Не будь скупердяйкой, отдай им всю мелочь.

– Ну да, – покачала та головой, – мне ещё стиральный порошок нужно купить, мыло...

...По дороге домой Елизавета Николаевна обратилась к подруге:

– Галя, ты сможешь мне её повесить? – она кивнула на свёрток, который держала в руках.

– А твой-то что, разучился молоток в руке держать? Или опять запил?

– Дело не только в водке. Он вообще иконы на дух не переносит.

– Слушай, как ты с ним живёшь?

– Как в аду... Знаешь, в молодости у нас с Виктором было много общего. И в кино мы с ним частенько хаживали – порой на откровенную пошлятину; и, чего греха таить, весёлых компаний не чурались, с выпивкой и танцульками. Я ведь тогда христианкой только по названию была – ну, там, в воскресную службу свечку поставить, молебен о здравии заказать... Да и он вроде бы не против моей веры был, только посмеивался надо мной – мол, отсталая я, тёмная... А уж любил меня! Цветами прямо подарил... Но когда пить начал, всё круто изменилось: ни помолиться при нём как следует, ни иконку в дом принести – брюзжит, как старый дед... Сквернословие его, бредни пьяные – надоели хуже грыжи. Верить, несколько раз порывалась от него уйти; да ведь пропадёт без меня: ни постирать себе, ни стоговить, даже разогреть не умеет...

– Нужно терпеть, Лизонька. Иного пути в Царствие Небесное, как только через Крест, не бывает.

– Откуда нам это знать, – вздохнула Елизавета Николаевна. – Просто надо жить по совести, а там как Бог даст.

– Тебе, подружка, надо почаще Евангелие да Святых Отцов читать. Тогда и сомнений не останется.

– Да всё времени не хватает...

– Как у Марфы...

– У кого?

– Притча есть такая, о двух сёстрах – Марфе и Марии. Первая принялась угощение Спасителю готовить, когда Он у них остановился, а вторая села возле Него и стала слушать Его проповедь. И Христос по-

хвалил её за это. Сказал, что Мария о своей бессмертной душе заботится, а Марфа думает о тленном...

...На звонок никто не вышел. Елизавета Николаевна открыла ключом дверь, и женщины вошли в квартиру.

– Может, спит? – шёпотом спросила Галина Сергеевна. И прислушалась: – Нет. Кажется, одни...

– Ну и слава богу, – обрадовалась Елизавета Николаевна. – Сейчас икону повесим и чайку попьем.

Женщины разделись и прошли в комнату.

Елизавета Николаевна развернула бумажный свёрток и, взяв в руки довольно увесистую деревянную икону с изображением Спасителя, просияла:

– Благодать-то какая, чувствуешь? Особенно сейчас, когда её в церкви освятили...

– Красивая, ничего не скажешь...

– Отец Николай – иконописец от бога... Слушай, дай мне его адрес. Жива буду, в следующий отпуск обязательно поеду к нему в Загорск, полюбуюсь на его работы.

– Сейчас... – Галина Сергеевна направилась в прихожую, где висело её пальто. Минуты две спустя возвратилась растерянная: – Ума не приложу, куда записную книжку подевала... Скорее всего, дома оставила. Вернусь, выпишу тебе адрес на листок и к следующей службе принесу, ладно?

Елизавета Николаевна нашла молоток, гвозди; но едва женщины стали примерять, где повесить икону, входная дверь заскрипела и в прихожей раздались шаги.

– Никак твой явился... – с сожалением покачала головой Галина Сергеевна.

И тут же в комнату вошёл мужчина с густой щетиной на опухшем лице.

– Наконец-то... – обратился он к Елизавете Николаевне. – Я уж думал, ты в своём молельном доме снова до обеда пробудешь... Дай тридцатку, позарез нужно.

– Опять горит? Только вчера зарекался...

– В последний раз, клянусь. Хотел у Лёхи занять; да его, как назло, дома нет. Куда он с утра подался?

– Поди-ка туда же, куда и ты намылился... Тебе же было сказано: денег у меня нет.

– Ладно прибедняться. Забыла, сколько я тебе отпускных принёс?

– А сколько из них уже пропил, не помнишь? Хочешь, чтобы мы, как в прошлый месяц, одни сухарики грызли? А ведь у тебя язва... Здоровье своё изуродуешь, душу погубишь. Каким перед Богом представишь, подумай.

– Хватит мне лапшу на уши вешать. Ты мои пять с половиной тысяч в момент подхватила, я даже глазом не успел моргнуть...

– На водку не дам.

– Не твоё дело, на что я свои кровные потрачу. Я же к твоим грошам не лезу!

– Да ведь жрать-то ты с меня потребуешь!

– Обойдусь. Гони три червонца!

– Повторяю, нет у меня денег, я почти всё истратила...

– Куда?

– А куртку зимнюю тебе купили, а холодильник отремонтировали...

– Всё равно ещё много оставалось...

– Разговор окончен. Я и так из-за тебя греха на душу много взяла.

– Да ты что, мне назло?.. – Виктор подступил к жене и попытался схватить её за плечо.

– Но-но, ты не очень-то руки распускай, – вступилась за подругу Галина Сергеевна.

– А тебе чего здесь надо, пошла отсюда!

– Совести у тебя нет, ты же Лизе всю жизнь испортил!

– Галя, не надо, – посмотрела на подругу Елизавета Николаевна.

– Это я ей испортил? – глаза у Виктора загорелись. – Ничего себе заявочки! А не наоборот?!. В девках и спеть, и сплясать могла... А теперь ни в гости не сходить, ни в кино... Я уж про постель молчу: пост, видите ли, у неё...

– Витя! – Елизавета Николаевна покраснела.

– ...Платок старушечий на себя напялила... Да настоящие бабы такой причесон наведут и губки накрасят – под ложечкой засосёт, когда их увидишь! А эта в монашку себя превратила, только молится да молчит... На фига мне такая баба сдалась!..

Елизавета Николаевна опустила голову.

– Не тебе её судить, – ответила Галина Сергеевна. – Она по заповедям живёт, спасается... А вот тебе от Бога точно достанется. Эх, и повертись тогда вьюном, запоёшь соловушкой – только поздно будет!

– Да пошла ты со своими бреднями знаешь куда! Фанатичка, как и она!.. – Он кивнул на жену. – В последний раз спрашиваю, – обратился он к Елизавете Николаевне, – дашь тридцатку? Или я... – он схватил молоток, – расшибу твою маляву к едрене фене!

И мужчина метнулся по направлению к табуретке, на которой лежала икона, принесённая женщинами из церкви.

– Виктор! – встрепенулась Елизавета Николаевна.

– А вот этого не смей! – Галина Сергеевна преградила ему путь. – Я тебе за это глотку перегрызу!

– Чего-о? – протянул мужчина. – А не хочешь, сейчас тебе башку проломлю – вот этим молотком!

– Ну, проломи, проломи! – вскрикнула Галина Сергеевна. – Я за Бога умру, а вот ты на чью радость подыхать будешь?!

– Прекрати! – Елизавета Николаевна бросилась к мужу и выхватила из его руки молоток. – Совсем очумел?!.

– Ты мне дашь на чекушку или нет?

– С сегодняшнего дня ты от меня не получишь ни гроша! Хватит! Я сама виновата, довела тебя своими подачками! Да ведь жалела; думала, опохмелится человек и одумается... А бесы только смеялись надо мной... Иди вон. Придёшь пьяный – не пущу на порог, так и знай! Будешь в подъезде ночевать. А начнёшь буянить – позвоню в психушку.

– Вон как заговорила! В психушку? Ладно...

Виктор кинулся к окну, быстро открыл обе правые створки и встал на подоконник.

– Ты в своём уме?! – бросилась к нему Елизавета Николаевна. – Восьмой этаж!

Но он, словно пушинку, оттолкнул жену от себя. Та не удержалась на ногах и упала.

– Вот тебе моё последнее слово: сейчас же возьмишь молоток и раздолбаешь свою святыню, – мужчина кивнул на икону, лежащую на табуретке. – Или я прыгаю вниз. И я не шучу. Считаю до трёх. Раз...

– Виктор, опомнись! – Елизавета Николаевна поднялась с пола, держась за разбитую губу.

– Два...

– Галя, – умоляюще посмотрела она на подругу.

– А что я сделаю... Дурень, ты же прямо в ад полетишь, без остановок...

– Три... – Виктор сделал шаг вперёд, поскользнулся и... повис, ухватившись за створки окна.

Елизавета Николаевна вскрикнула и закрыла лицо руками... Затем с ужасом посмотрела в сторону окна, где кряхтел её супруг и виднелись лишь его голова и руки.

– Галя, сними его... – плаксиво проговорила она.

– Чтоб он меня с собой утащил?

– Витенька!..

– Руби, ну! – Мужчина громко застонал. – Не могу больше! – Он разжал ладонь и повис на одной руке. – Падаю!.. Мама!..

Елизавета Николаевна схватила молоток и ударила им по иконе. Галина Сергеевна на мгновение оцепенела... Затем схватила подругу за руку:

– Ты... рехнулась!. Ты спятила! – Она захлебнулась от негодования. Затем посмотрела на икону: в середине её была широкая вмятина, от которой в разные стороны отходили извилистые трещины...

Виктор подтянулся на руках, опёрся коленкой о подоконник и ввалился в комнату. Поднялся, глянул на икону, затем на жену и расхохотался:

– Вот это монашка!.. Вот это я понимаю!.. А ещё молится по утрам!..

Галина Сергеевна, заподозрив неладное, подошла к окну и глянула вниз:

– Строительная люлька... – Она обернулась к Елизавете Николаевне: – Он тебя, дуру, разыграл!..

Мужчина продолжал хохотать; а Галина Сергеевна, с ненавистью посмотрев на подругу, перекрестилась на разбитую икону и пошла в прихожую. Когда входная дверь за ней закрылась, Виктор подошёл к супруге:

– Ну, поиграли в святош и ладно. Дай опохмелиться.

Он запустил руку в карман её кофты и вынул оттуда кошелёк. Сразу повеселел:

– В последний раз, Лизок, поверь... Вот, беру тридцать рублей и ни копейки больше. – Он показал жене купюры и, положив кошелёк на стол, поцеловал её в щёку.

Лицо Елизаветы Николаевны побледнело, губы задрожали. Когда муж вышел из квартиры, она стояла несколько минут, не смея шелохнуться. Наконец, положила молоток на пол и, пошатнувшись, опустилась на колени:

– Не за себя прошу, Господи, не смею... Пощади раба Твоего Виктора, не вмени ему во грех его поступок. Ибо это я во всём виновата... крепко виновата...

Из её глаз брызнули слёзы:

– Пустобрюхая я... на всю жизнь... и скрыла это от него ещё до свадьбы... Думала, привыкнем друг к другу, тогда легче будет правду перенести... А после струсил, так и не сказала ему... Теперь понимаю, какой великий грех на мне. Ведь если бы он женился на другой и у него был сынок или дочка, он бы не запил! Это он с тоски к рюмке потянулся, я это чувствую! – Елизавета Николаевна всхлипнула. – Да и прав он, какая я ему жена. Сколько лет он от меня слова ласкового не слышал, только ругань одну да упрёки... Это я сердце его каменным сделала. Как-то в мороз

он синиц на балконе принялся кормить; так я на него, как бешеная, заорала – мол, квартиру застудишь... Когда молитву читала, дверь за собой закрывала; а нужно было, чтобы он слышал... слышал... Может, слово святое растопило бы его душу... Как же так получилось, что я стала шарахаться от него, будто от чумы? Ведь мы же с ним венчанные... Прости меня, Господи, за его душу... А за это... – она посмотрела на разбитую икону, – знаю, нет мне прощения, я и не молю о нём...

Она перевела взгляд на фотографию, висевшую на стене, где они с Виктором, ещё молодые, стояли с букетами цветов и, обнявшись, улыбались. Перекрестила её, поклонилась... хотела ещё что-то сказать, но не смогла – душили слёзы...

...А Галина Сергеевна, выйдя из подъезда, тут же направилась в сторону храма, в котором они с Елизаветой Николаевной только что были на литургии. Губы её тоже дрожали; она почти непрерывно шептала:

– Господи, виновата я перед Тобой, что не разглядела вовремя богохульницу, что не смогла уберечь икону Твою Святую от греха кощунства! Отрекаюсь я от этих двух слуг сатаны в человеческом облике и дел их мерзких! Господи, прости меня, грешную...

Недалеко от церкви она увидела всё тех же двух нищих. Только теперь они сидели возле гаража и раскладывали на газете продукты.

Галина Сергеевна подошла к ним и протянула каждому по монетке.

– Благодарствую... – ответил один из них.

Другой положил денежку в тряпичный мешочек, в котором Галина Сергеевна разглядела уголок маленькой книжицы с бардовой обложкой.

Женщина продолжила путь... но вдруг остановилась: «Кажется, моя записная книжка... Как она к ним попала? Неужели спёрли?»

И она сделала несколько шагов по направлению к тем же мужикам, сидевшим за углом гаража и потому её не видевшим.

– Слушай, откуда у тебя такой красивый блокнотик? – услышала Галина Сергеевна голос одного из них. И остановилась, прислушавшись.

– Да у этой бабы сегодня из кармана выпал, когда она нам червонцы доставала.

– Надо было ей вернуть, нехорошо так...

– Ага, чтобы она нас ворьём посчитала? Знаю я, чем подобное заканчивается.

– Брось, она женщина добрая, раз подаёт.

– Причём не только здесь. Видел я её и возле Успенского, и у Княгининского... Подаст, отойдёт в сторонку и вот в эту книжицу записывает, какую сумму всучила. Сейчас покажу... Видишь? А в соседней графе умножает это число на семь.

– Для чего?

– Писание нужно знать, дурья башка. Господь обещал милостивым воздать седмерицею. Вот она, видать, свой будущий прибыток и подсчитывает.

Галина Сергеевна выскочила из-за угла гаража с побагровевшим лицом.

– А ну, дай сюда! – Она резко выхватила из руки бородатого мужика свою записную книжку. – Получил своё – и чеши отсюда, пока хворостинной не погнала!.. Ишь, пристроились – задарма хлеб жевать!..

И она быстро направилась в сторону храма...

ДОХОДЯГА

Неожиданный писк слева заставил Сергея вздрогнуть. Он подошёл к открытому люку колодца и заглянул в него. На самом его дне, сжавшись в комок, сидел маленький пушистый котёнок.

«Эврика! – мелькнуло в голове у Сергея. – Сюрприз для Оксанки будет обалденный! Она тащится от всяких птичек-зверушек...»

Оставив сумку на снегу, он ухватился рукой за край колодца, поставил правую ногу на довольно широкую железную скобу, торчавшую из кирпичной стены, левой дотянулся до другой скобы, расположенной почти на метр ниже первой... и таким образом, по шести скобам, спустился до последней. Которая находилась примерно в полутора метрах от земли. Сергей прикинул, как будет выбираться обратно, и спрыгнул вниз.

«Теплушка» была просторнее, чем казалась сверху. Две металлические трубы уходили в небольшое отверстие в стене; на них была разостлана дырявая телогрейка, на которой валялись покрытые инеем корки хлеба и консервная банка, – очевидно, здесь когда-то ночевали бомжи; но теперь отопление было выключено, трубы остыли, и спать в зимний холод стало невозможно.

Сергей схватил котёнка, сунул его за пазуху и, ухватившись рукой за скобу, подтянулся и поставил на неё сначала одну коленку, затем другую... наконец, встал в полный рост. «Теперь пойду, как по лесенке», – подумалось ему. Однако едва он попытался встать на следующую скобу правой ногой, кирпичная кладка внизу посыпалась; скоба, на которую он опирался левой ногой, выскользнула из стены; и Сергей грохнулся вниз. Котёнок выскочил из-за пазухи и кинулся в дыру, куда уходили трубы.

Некоторое время Сергей лежал не шелохнувшись... Затем рассмеялся:

– Ничего себе...

Поднялся на ноги, отряхнулся от снега и огляделся.

Кирпичная кладка внизу была без единого выступа, за который можно было бы ухватиться.

«Неужели они спускались сюда только по этим скобам?» – подумал Сергей о бомжах.

Он попытался, оперевшись стопой о стену, допрыгнуть до ближайшей к нему скобы; но та была слишком высоко. Тогда Сергей схватил корявый обледенелый сук, приставил его к стене; но как только встал на него, сучок с треском переломился пополам.

– Тьфу! – в сердцах выкрикнул Сергей.

Глянул на часы: без четверти два.

«Оксанка не любит, когда опаздывают...»

Он вспомнил её слегка лукавый взгляд, когда она на недавней вечеринке с друзьями пригласила его к себе на день её рождения, куда он сейчас и направлялся. В тот раз они долго с ней танцевали, пили «Шардоне» и мило беседовали... Она всё же предпочла его Игорьку, которого он лихо обставил своим блестящим знанием компьютера; а также по части юмора, рассказав несколько свежих анекдотов, вызвавших неподдельный восторг среди подруг и знакомых Оксанки. Но особенно Сергей гордился своим замечанием относительно... расстёгнутой у Игорька ширинки. Все тогда поохотали от души; однако Сергей даже виду не подал, что намеревался как-то оскорбить приятеля, – напротив, он подчеркнул, что хотел всего лишь указать Игорьку на его оплошность, которая впоследствии якобы могла поставить его в незавидную ситуацию...

– Эй, кто-нибудь! – крикнул Сергей.

Он испугался, как бы не уташили сумку. Там был подарок Оксанке – её любимые французские духи, стоившие почти половину его месячного оклада. И которые, по его замыслу, должны были окончательно «добить» Игорька.

...Тем временем холод стал пробирать его до костей. Одет Сергей был явно не по погоде: костюм и пальто. Оксанка жила недалеко от его дома, и потому он решил пройти напрямик по пустырю, рассчитывая всего минут на пятнадцать ходьбы. Естественно, ему и в голову не могло прийти, что с ним может случиться такой казус и что с утра ударит настоящий крещенский мороз!

Сколько он сейчас ни напрягал свои «эрудированные» мозги, ничего иного придумать не мог, кроме как постоянно приседать и бегать по периметру «теплушки», чтоб не замёрзнуть. И, конечно же, время от времени покрикивать – в надежде на то, что кто-нибудь его услышит. Тропинка, которой он шёл, вела к ремонтно-механическому заводу; и потому сегодня, в воскресенье, прохожим пока оказался он один.

...Время шло, а на его крики так никто и не отзывался.

«Это уже не смешно», – подумал он.

Схватил лежавший на трубах бушлат, скомкал его и приложил к стене – под то место, где из кирпичной кладки торчала спасительная железная скоба. Затем снял с себя пальто, шапку и положил их на бушлат. Получилась небольшая горка. Дрожа от холода, Сергей осторожно встал на неё и вытянул кверху руку; однако от его ладони до скобы оставалось сантиметров сорок. Сергей подпрыгнул, но до скобы не достал. Затем схватил сучок, поставил его одним концом на одежду, другой прислонил к стене, встал на него и изо всех сил снова прыгнул... ещё раз, другой, третий... – бесполезно.

«Что бы ещё подложить?..»

Он стал ощупывать стену – в надежде на то, что ему удастся вытащить несколько слабо державшихся в ней кирпичей. Но всё было тщетно.

Тогда Сергей бросился разгребать ногой снег; однако кроме пары спичечных коробков и кучи замёрзшего дерьма в углу, ничего не нашёл.

Почувствовав, что коченеет, быстро оделся, накинул поверх пальто вонючую телогрейку и, сжав в кулак онемевшие пальцы рук, принялся

согревать их дыханием... Затем сунул их в перчатки и начал приседать, время от времени останавливаясь и взывая о помощи...

...На третий час своего пребывания в колодце, во время очередной «разминки», Сергей почувствовал головокружение. Присел, оперевшись спиной о стену.

«Так и околеть недолго...»

Он поднял голову вверх. Уже смеркалось.

– Э-эй!.. Кто-нибудь!..

От холода и страха у него застучали зубы, по спине побежала дрожь.

«Как же так, – мелькнуло в его голове, – ведь всё шло хорошо, и на тебе... Чёрт меня дёрнул лезть в эту дыру... за каким-то доходягой. – Он оглянулся, но котёнка нигде не было. – Увижу его ещё раз – придушу!..»

Сергей опять снял перчатки и принялся дышать на немеющие пальцы рук. Задумался...

Да, всё шло хорошо... Прекрасный заработок в одной из преуспевающих коммерческих фирм, бычье здоровье, квартира, машина... Вечернее кафе с разноцветными мерцающими огнями, коктейль, тихая мелодия... А девушки! Одно воспоминание о них приводит в сладкий трепет! Светка, Наташка! Теперь вот Оксанка. От улыбки которой сладко посасывает под ложечкой... Что ещё человеку нужно? Живи – радуйся!.. И вдруг такое...

«Как это гадко, несправедливо! – подумал он. – Я замерзаю, а в сумке – бутылка “Белого аиста”! Сейчас бы она мне не помешала! Но главное – мобильник! Вот ведь в чём штука! Почему я именно сегодня не сунул его в карман – ну прямо закон подлости!..»

Он плюнул с досады. Вскочил на ноги, схватил переломанный пополам сучок и стал бить им о стену.

– Помогите! – глядя вверх, попытался крикнуть изо всех сил, но получилось слабо.

Сел на снег, потому что снова закружилась голова.

«А вот если я здесь околею, – почему-то подумалось ему, – кто-нибудь обо мне заплачет?»

И вдруг его как током ударило: от его исчезновения никому на Земле хуже не станет!

Он вскинул голову.

«Как это? Такого не бывает...»

Надел перчатки и поджал под себя ноги. Опять задумался.

Не бывает, но так оно и есть. Отца с матерью у него уже не было в живых. Из родни – один двоюродный брат где-то на Урале, с которым он виделся однажды в детстве и с тех пор никаких отношений не поддерживал. А семью Сергей так и не завёл. Всё чего-то боялся... Над друзьями и знакомыми, которые женились и заводили детей, посмеивался... А когда те в разговоре с ним высказывали хоть малейшее недовольство возникающими в их семейной жизни проблемами, говорил им:

– Предупреждал дурака: не вешай себе на шею хомут!

Или:

– Не жилось ему спокойно! Сейчас семьи заводят, как и в армию идут, одни лохи!..

И при этом почти всегда снисходительно хлопал своего «несчастного» собеседника по плечу...

Да что детей – друзей не имел. В глубине души прекрасно понимая, что близкий друг – это всегда бремя: или денег займы дай, или, допустим, по его просьбе замолви словечко перед начальством... А ведь другу не откажешь!

Конечно, у друга можно попросить и самому. Однако помощь, по его мнению, всегда подразумевает последующие обязанности перед «благодетелем», а Сергей очень не любил быть от кого-то зависимым. Поэтому он предпочитал иметь не друзей, а приятелей. В кругу которых можно весело и со вкусом провести время, вежливо отказывая им в их просьбах и, соответственно, оставаясь никому ничем не обязанным. Погуляли и разошлись. Не обременяя себя чужими проблемами. А дальше он приходил домой, выпивал свой любимый кофе на сливках вприкуску с плиткой молочного шоколада, включал телевизор и смотрел боевик или футбол. А иногда общался по телефону со своей очередной «единственной и неповторимой», в итоге назначая ей свидание. И такая уютная и спокойная – а лучше сказать, беззаботная – жизнь была ему по душе. Сергей очень дорожил своей «свободой» и не желал её менять на что-либо иное.

Но сейчас он понял одну важную истину: горячий кофе с шоколадом – это, конечно, здорово; вот только теперь никто ему их не подаст. Потому что, кроме как своему брюху, он никому их никогда не предлагал. То есть, не замечая окружающих его людей, он неизбежно пришёл к тому, что и его замечать перестали. Иными словами, ни один человек его теперь не хватится и искать не станет.

От этой мысли Сергей даже вздрогнул.

«Как это понимать? Я здесь подыхаю, а они там пляшут, чешут языками и хохочут? И если я дам дуба, никто не моргнёт и глазом?.. Впрочем, Оксанке уж точно станет не по себе. Только не оттого, что я загнулся, а что в этом случае создам ей лишнюю проблему – как помириться с Игорьком! Ведь, насколько я её знаю, ей нет никакой разницы – быть с ним или со мной. Не так ли меняют поношенные перчатки на новые?..»

Внезапно его осенило:

«Так ведь другого и быть не может. Я же сам всем своим видом и манерами дал ей понять, что меня устраивают именно такие отношения. Ведь у нас с ней никогда не было ничего серьёзного и искреннего. Посидеть в кино или кафе, лечь вдвоём в постель – и разбежались, как в море корабли... Чтоб на следующий день опять ломать голову, как убить время...

Он закрыл глаза.

«Но разве зазорно получать от жизни удовольствие? Разве это не свойственно человеческой природе?.. – Он надкусил губу. – Вроде бы всё верно».

И вдруг Сергей вспомнил одного бродячего пса, который частенько запрыгивал на самый верх мусорных бачков возле их дома и рылся в отбросах... После он видел его, бегущего за облезлой сукой.

И тут будто обухом по голове: а ведь он от этого пса практически ничем не отличается! Он всю свою жизнь, как этот кобель, только жрал и трахался!

«Неужели это я? – Он даже усмехнулся. – Неужто и впрямь я сейчас испугался именно этого – навсегда потерять ощущение сладости шоколада и Оксанкиного поцелуя?! Жил, подобно тому псу, и подохну так же?!»

...Сергей открыл глаза. Глянул наверх: в чёрном небе уже показались звёзды.

«Неужели всё так глупо для меня кончится?.. Да что это я, надо сопротивляться. Нужно согреться».

Он попытался подняться. Но почувствовал невероятную слабость в теле.

«Впрочем, зачем? К чему я цепляюсь за жизнь? Чтобы объедаться шоколадом и икать от сытости?.. и всё прочее?.. Неужели в моей жизни не было ничего выше этого?»

Он наморщил лоб, вспоминая.

«Детство... Деревня... Мама в косынке... Коровка наша, Жданка. Мычит, доить просится... Лес, озеро... Вокруг – щебетание птиц и стрекот кузнечиков, кое-где порхают бабочки... Помню, я глядел на эту красоту и... да-да, ощущал... наивно, по-детски... какую-то неведомую тайну, скрытую в этой лесной благодати, – светлую, радостную... Куда же всё это ушло?..»

Все попытки хоть как-то двигаться приводили к головокружению... Наконец, Сергей почувствовал, что теряет сознание. Ноги его онемели, пальцев рук он почти не ощущал.

«Сейчас мне должно стать тепло... где-то я читал, что именно так и замерзают... нужно только немного потерпеть... Если бы мне стоило жить ради кого-то, тогда другое дело. А так... Зачем страдать? Уж лучше поскорее сладкий сон...»

И словно вспышка молнии в его голове:

«Да точно ли сон? А вдруг...»

Сергей неожиданно вспомнил, как однажды бабушка привела его, десятилетнего мальчика, в храм. Он стоял, завороченно глядя на мерцание свечек и отблеск огня на одной из икон. На которой, очевидно, был изображён какой-то святой. Со строгим, но в то же время очень мудрым и, главное, ласковым взглядом. Пел хор; и среди слов, которые Серёжа запомнил, были такие:

– ...и доброго ответа на Страшном Судилище Христовом просим...

«А что если это правда? И мне этого ответа не избежать?.. Странно: я никого не убивал, не грабил; а ощущение такое, словно я, как нашкодивший ученик, панически боюсь встречи с учителем... Будто я в чём-то виноват, что-то сделал не так...»

И вдруг его словно прострелило:

«А может, и боюсь только оттого, что ничего в своей жизни не делал вообще? И потому предьявить Ему мне нечего?..»

Сергей шевельнулся.

«Точно, нечего. Как тому кобелю. В этом смысле мы с ним будем равны. Только он будет молчать, а я скулить от страха. Вызванного ясным осознанием своей псиной природы, которую я, в отличие от четвероногого, выбрал совершенно добровольно – как говорится, будучи в здравом уме и трезвой памяти. Лишь потому, что эта собачья сущность мне пришлась по вкусу; что мне было желаннее превратиться в пса, нежели оставаться человеком!.. Какая злая шутка!..»

Сергей часто задыхался. Он ощутил на себе невероятную тяжесть, будто на него навалилась огромная плита.

«Не хочу... – облизнул потрескавшиеся губы. – Не хочу уходить таким!.. Господи, неужели это правда?!..»

И вдруг рядом с собой услышал тоненький писк. Повернул голову. Дрожа всем тельцем, на него смотрел тот самый котёнок.

– Что, брат... зябка?.. – еле прошептал Сергей. – Иди сюда...

С огромным трудом окоченевшими пальцами он взял зверёныша за шкуру и сунул его под пиджак. Ощутил, как тот жадно вцепился в тепло...

...Среди мрака Сергей опять вынырнул из забвения. Почувствовал удушье.

«Неужели и впрямь прожил, как шелудивый пёс?..»

Он ощутил, как у него под одеждой кто-то шевельнулся.

«Доходяга... – вспомнил он. – Ещё жив...»

Услышал сладкое мурлыканье.

«Посапывает и в ус не дует...»

И вдруг у него защемило в груди.

«Господи, позволь мне не умереть подольше... дай не остыть до утра... пусть хоть этот малыш выживет...»

Он ещё крепче прижал котёнка к себе... и внезапно почувствовал, что сердечко этого крохотного существа стучит рядом с его собственным сердцем! Да-да, он ощутил, как их сердца буквально слились и бьются вместе. И из глаз Сергея брызнули слёзы.

«Так вот в чём дело!.. – Он даже вздрогнул от неожиданности. – Как же я раньше этого не понял?! Так просто...»

И тут же почувствовал, как по его телу стала разливаться та последняя, но такая приятная теплота...